

Научная статья

УДК 398.83

DOI 10.17223/18137083/84/4

**Чувашские песенные тексты Кемеровской области
в сравнении с их вариантами из Волго-Уральского региона**

Екатерина Игоревна Исмагилова¹

Наталья Владимировна Леонова²

Елена Владимировна Федотова³

¹ Институт филологии

Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

³ Чувашский республиканский институт образования
Чебоксары, Россия

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

³ elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Аннотация

Статья посвящена характеристике песенных текстов, записанных от чувашско-сибирских переселенцев в сравнении с образцами, зафиксированными на материнских территориях бытования переселенческой традиции. Анализ привел к выводу об устойчивой взаимосвязи между материнскими и переселенческой фольклорными традициями. Обнаружены текстовые связи на разных уровнях, от устойчивых словосочетаний (образов, содержащих определенную символическую нагрузку) и тематики песен (наиболее часто встречающиеся темы: разлука с родственниками, встреча родственников, добрые взаимоотношения с ними, тема внутреннего состояния героя песни) до уровня прямых текстовых соответствий (от строки до двух-трех строф). Во многих сибирских образцах происходит переосмысление жанровой принадлежности песен: из ритуально-обрядовой (поминальные, гостевые песни) она становится лирической (процесс, свойственный и материковой традиции).

Ключевые слова

народные песни чувашей Сибири, анализ песенных текстов, фольклор сибирских переселенцев, сравнительный анализ автохтонных и переселенческих традиций

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10113, <https://rscf.ru/project/19-78-10113>

Для цитирования

Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В. Чувашские песенные тексты Кемеровской области в сравнении с их вариантами из Волго-Уральского региона // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 48–64. DOI 10.17223/18137083/84/4

© Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 48–64

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 48–64

Chuvash song texts of the Kemerovo region in comparison with their variants from the Volga-Ural region

Ekaterina I. Ismagilova¹, Natalya V. Leonova²
Elena V. Fedotova³

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Glinka Novosibirsk State Conservatoire
Novosibirsk, Russian Federation

³ Chuvash Republican Institute of Education
Cheboksary, Russian Federation

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

³ elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Abstract

In 1951, the Chuvash composer and folklorist S. M. Maksimov made recordings of folk songs from the Chuvash settlers in the Prokopyevsk district of the Kemerovo region. In 2022, the authors of this paper conducted fieldwork to collect samples of Chuvash folklore in the same places. The folklore recordings were also found that were made in different areas of the Volga-Ural region, the territories of the “exit” of the Chuvash-Siberian settlers. All the above recordings made up the material of the present study. The comparative analysis of the texts of autochthonous and migration traditions has shown their variability to be manifested at different levels, including common stable word combinations carrying a specific symbolic load, song themes, and structure-level matches. The stable images include high mountains, swallows, a dove, a running red fox, a river, a black and a ladle, all of them loading the song texts with a symbolic, in some cases sacred, meaning. The song themes are quite diverse, with those of separation, good relationships with relatives, the hero’s inner state, and reflections on the transience of life prevailing. In terms of structure, the texts compared can be related differently: from a single-line match to the similarity in the content of two or three song stanzas. The analysis has revealed a stable continuity between the Siberian and the Volga region’s local traditions. Moreover, many Siberian samples involve rethinking the genre of songs, from ritual and ceremonial to lyrical.

Keywords

folk songs of the Chuvash of Siberia, analysis of song texts, folklore of Siberian settlers, comparative analysis of autochthonous and settlers traditions

Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the project “Folklore of autochthonous and resettlement traditions of the peoples of the Volga region in modern records and historical dynamics: an interactive atlas of sounding texts” at the expense of the Russian Science Foundation grant no. 19-78-10113 <https://rscf.ru/project/19-78-10113>

For citation

Ismagilova E. I., Leonova N. V., Fedotova E. V. Chuvash song texts of the Kemerovo region in comparison with their variants from the Volga-Ural region. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 48–64. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/4

Введение

В течение первой половины XX в. на территорию современной Кемеровской области, так же как и на другие территории Сибирского региона, переселялись тысячи чувашей с Волго-Уральского региона. При том, что чувашская традиционная культура в течение многих десятилетий продолжила свое активное бытование на сибирской земле, запись чувашского фольклора в Сибири вплоть до начала XXI в. практически не велась. Исключение составляют поистине уникальные записи выдающегося чувашского композитора и фольклориста С. М. Максимова, выполненные им в 1951 г. в Кисилевском (ныне Прокопьевском) районе Кемеровской области.

Рукопись С. М. Максимова как источник сравнительных исследований

Степан Максимович Максимов приезжал в Кемеровскую область вместе с поэтом Петром Петровичем Хузангаем в мае-июне 1951 г. Основная цель поездки для композитора – встреча с родственниками, переселившимися в Сибирь из села Яншихово-Норваши Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Янтиковский район Чувашской Республики) еще в 1908 г. Известно также, что С. М. Максимов незадолго до своей поездки в Кемеровскую область тоже принял решение переехать в сибирскую сельскую глубинку и заниматься там преподаванием, как когда-то в годы своей молодости [Кондратьев, 2002, с. 299]. Этим планам, однако, не суждено было сбыться: композитор скончался 26 августа 1951 г.

Результатом этой, последней в жизни композитора, поездки явилась рукопись, содержащая чувашские народные песни¹. По свидетельству Максимова, им был зафиксирован весь местный репертуар – 43 песни [Там же, с. 297]. Из них 16 образцов записаны в чувашском селе Михайловка, 12 – в соседней с Михайловкой деревне Оселки, еще 15 песен композитор зафиксировал в Кемерово от чувашей, переехавших жить в город. Песни, в том числе их мелодии, фиксировались в процессе исполнения – «на слух».

Рукопись с сибирскими материалами на протяжении более 70-ти лет хранится в семейном архиве потомков композитора, в настоящее время – у его внучки А. Л. Максимовой. В 2021 г. новосибирскими фольклористами в ходе работы над проектом, в рамках которого подготовлена настоящая статья, была получена копия рукописи и разрешение наследницы изучать содержащиеся в ней материалы.

Согласно информации об исполнителях, сопровождающей некоторые из нотировок, С. М. Максимов записывал фольклор преимущественно от чувашей, приехавших из Стерлитамакского (ныне Зилаирский район Башкирии) и Чистопольского (ныне Аксубаевский, Алексеевский, Билярский, Новошешминский, Ок-

---

¹ Рукопись включает в себя три тетради: две нотные с записями мелодий и текстов песен, сделанными непосредственно во время исполнения (I, 1–40 с., нумерация страниц сквозная для двух нотных тетрадей), и одну простую с текстами песен (II, 1–40 с.). Тексты песен 1–3 записаны в нотной тетради, вместе с нотировками. Тексты песен 4–43 записаны следующим образом: первая строфа в нотной тетради (как подтекстовка к нотировке), остальные строфы в тетради для текстов. Поэтому к текстам 4–43 будут даны ссылки на нотную и простую тетради.

тябрьский (ныне Нурлатский), Первомайский и Чистопольский районы Татарстана) уездов Казанской губернии, а также от уроженцев нынешнего Янтиковского района Чувашии.

В отношении жанрового состава укажем на преобладание гостевых песен (18 образцов), повествующих о родственниках и родственных отношениях, и исполняющихся, как правило, во время застолий. Широко представлен и пласт традиционной чувашской лирики: композитором было зафиксировано 16 образцов краткосюжетных песен (*çавра юрă*). Кроме того, в рукописи присутствуют пять рекрутских песен, а также единичные образцы других жанров (свадебная, хороводная, шуточная песни, повествовательный текст с балладным содержанием – *баит*).

В конце тетради с текстами имеется очень краткий этнографический комментарий: *Ёлĕк Сибири туй тунă. Хусанĕн Хусанла, çавăн пекех вайлă туман. Вайй тăваççĕ. (Раньше в Сибири свадьбы играли. Казанские по-казански, но такую дорогу [свадьбу] не справляли. Хороводы проводят)*². Однако, отмечая живую традицию бытования обрядовых и календарно-приуроченных жанров, песенных образцов, сопровождающих свадьбу и хороводы, С. М. Максимов практически не фиксировал. Возможно, композитора не привлекала этнографическая составляющая музыкальной фольклористики или же были еще какие-то причины, например незаинтересованность самих носителей традиции в исполнении календарного или семейного фольклора вне обрядового контекста. Для нас ценны и эти несколько строк, поскольку они в целом совпадают с нашими наблюдениями над традиционной культурой сибирских чувашей.

В августе 2022 г. была предпринята экспедиционная поездка в Прокопьевский район Кемеровской области с целью фиксации фольклора «по следам» С. М. Максимова³. В ходе работы с носителями традиции было зафиксировано пять вариантов к текстам из рукописного сборника Максимова.

Ко многим текстам рукописи удалось также подобрать варианты, вплоть до настоящего времени бытующие на материковых территориях переселенцев, с которыми работал Максимов, – в чувашских поселениях Татарстана (расположенный на территории бывшего Чистопольского уезда Октябрьский (ныне Нурлатский) район) и Башкортостана (Федоровский, Стерлитамакский районы; бассейн реки Белой). Варианты к песням были также обнаружены в материалах, записанных в Янтиковском и Ядринском районах Чувашской Республики. Перечисленные записи из Волго-Уральского региона относятся к разным временным периодам: от 1910–1930-х до 1990–2023 гг.⁴

---

² Рукопись Максимова (далее – РМ), II, с. 40.

³ Участники экспедиции Н. В. Леонова, Е. И. Исмагилова, А. С. Яковлева. Материалы экспедиции хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и в Архиве сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Подробнее о полевой работе 2022 г. в Кемеровской области см. в [Исмагилова и др., 2022].

⁴ Рукописные источники и аудиоматериалы хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН), в Архиве отделения сольного и хорового народного пения Чебоксарского музыкального училища им. Ф. П. Павлова, личных архивах Е. В. Федотовой, С. Г. Лаврентьевой, А. А. Щетиной.

Устойчивые образы в текстах чувашских песен

Сравнительный анализ текстов автохтонных и переселенческой традиций показал, что присутствующая в них вариантность проявляется на разных уровнях, от употребления общих устойчивых словосочетаний, несущих определенную символическую нагрузку, до почти точного совпадения одной или нескольких строф. Далее рассмотрим эти устойчивые образы. Среди них образ *высокой горы* (*сӳл ту*), отражающий архаичные, еще прачувашские мифологические представления [Кондратьев, 2007, с. 40–42]. Развитие этого образа весьма разнообразно: на высоких горах стоят *три березы / ветряная мельница / высокая клеть* или же *бегают олень / змей свистит*. В тексте лирической песни из рукописи Максимова на вершине горы ветряная мельница без остановки мелет пшеницу, т. е. происходит нечто необыкновенное, выходящее за рамки обыденного:

<i>Сӳл ту сӳнче сӳл армань</i> ⁵ <i>Куллен тула авӳрять.</i>	На высокой горе ветряная мельница Все мелет пшеницу.
--	---

В корильной свадебной песне из Башкирии мельница, в соответствии с содержанием второго звена двухзвенной поэтической структуры, напротив, молоть не может:

<i>Сӳллӳ ту сӳнчи сӳл арман</i> ⁶ <i>Авраймасӳр ларать-ске.</i> <i>Лешӳ кассен хӳрӳсем</i> <i>Йӳреймесӳр ларас-ске.</i>	Ветряная мельница, что на высокой горе Стоит же, не может молоть. Девушки с других улиц Сидят, не могут исполнить плач невесты.
---	--

Во многих песнях, записанных Максимовым, присутствует образ *ласточки* (*черной ласточки*) – *чӳкес* (*хура чӳкес*). В чувашской традиционной культуре образ ласточки несет в себе добрую семантику, отождествляется с человеком, жизнью, счастьем. Если эта птица лепит свое гнездо рядом с человеческим жильем, считается, что это добрый знак. В гостевых песнях из рукописи нередко проводится параллель *ласточки* – *любимые родственники*:

<i>Шурта шуркут йӳви, ай, пит</i> <i>нумай</i> ⁷ ,	На болоте гнезд стрижей, ай, очень много,
<i>Чӳкес йӳвисене те сӳтес сук.</i>	Но меньше, чем гнезд ласточек- береговушек.
<i>Ялта ыра сӳнсем те, ай, пит</i> <i>нумай,</i>	В деревне добрых людей да, ай, очень много,
<i>Хамӳр тӳвансене те сӳтни сук.</i>	Но до наших родственников да им далеко.

Практически такой же текст был зафиксирован во время обряда гадания на кольцах в ночь с 13 на 14 января 2009 г. в д. Абыркино Нурлатского района

⁵ РМ, I, с. 3. Записано от И. С. Ястребова (1896 г. р.). Сходный текст о ветряной мельнице, записанный С. М. Максимовым еще в Чувашии, приведен в книге [Кондратьев, 2007, с. 42].

⁶ Записано в 1990 г. в с. Новоселка Федоровского района Республики Башкортостан от З. П. Яковлевой (1938 г. р.). (НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1167. Инв. № 7359. Л. 31).

⁷ РМ, I, с. 9; II, с. 6. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.). Приехал в 1907 г. из д. Яманзас Стерлитамакского уезда (ныне с. Яманзас Зилаирского района Республики Башкортостан). *Сукӳр* (слепой).

Республики Татарстан⁸. В этой локальной традиции песня сопровождает выполнение обрядового действия.

В некоторых песнях, обозначенных композиторами как гостевые, говорится о сложности встречи с родственниками:

<i>Чёкеç йăви сўлте мар⁹,</i>	Гнездо ласточки не наверху,
<i>Алă ситес сёрте мар.</i>	И не там, чтобы достать рукой.
<i>Пирён т[ă]вансем инсе мар,</i>	Наши родственники не далеко,
<i>Куллен курас сёрте мар.</i>	И не там, чтоб часто их видеть.

Примечательно, что песня с подобным содержанием записана от некрещеных чувашей, проживающих в с. Чувашская Менча Нурлатского района Республики Татарстан. В их традиции подобные образцы исполняются во время проведения поминального обряда *юпа юрри*. В отличие от гостевых песен, в приведенном ниже примере подчеркивается, что ласточка – черная, что указывает на ее принадлежность к иному, загробному миру:

<i>Хура вярман витёр тухнă чухне¹⁰</i>	Когда проходил через черный лес,
<i>Хура чёкеç йăви тёл пултăм.</i>	Увидел гнездо черной ласточки.
<i>Аялта та мар, сўлте те мар –</i>	И не внизу, и не наверху –
<i>Сын пёвёсем ситес сёрте мар.</i>	Не в том месте, где человеческий рост может достать.
<i>Пирён тăван инсе те мар,</i>	Наш родственник и не далеко,
<i>Ир те, каç та курас сёрте мар.</i>	И не в месте, где можно видеть его и утром, и вечером.

В рукописи Максимова есть еще один текст об улетающей под дождем ласточке и уходящем родственнике. В данном случае это лирическая песня, по своему содержанию – переселенческая. В Чувашии же эта повсеместно распространенная песня бытует преимущественно как гостевая, поющая во время прощания с родственниками, возвращающимися домой¹¹. Ее переход в сферу лирических (конкретно – переселенческих) песен происходит благодаря появлению припева со словами о жизни в Сибири, появляющемуся после каждой двустроичной строфы:

<i>Ашта каян, чёкеç, сямър витёр¹²</i>	Куда летишь, ласточка, сквозь дождь,
<i>Ик сунатту вёçне йёпетсе?</i>	Кончики двух крыльев заставляя мокнуть?
<i>Эй, хир хăви аслă шыв хёрринче,</i>	Эй, степная ива на берегу большой реки,
<i>Иртет ёмёр Сибирь сёрёнче.</i>	Проходит жизнь на земле Сибири.

⁸ См. об этом подробнее в [Федотова, 2009].

⁹ РМ, I, с. 2. Записано от И. С. Ястребова (1896 г. р.).

¹⁰ Текст опубликован в статье Е. В. Федотовой [2020, с. 59–60].

¹¹ Известно, что начальные строки двух первых строф в локальных традициях Татарстана и Башкортостана, как и в приведенном ранее тексте, присутствуют в ритуальных поминальных песнях *юпа юрри* [Кондратьев, 2018, с. 257].

¹² РМ, I, с. 30; II, с. 35. Записано от А. Н. Ивановой.

<i>Аста каян, таван, мана пӑрахса,</i>	Куда уходишь, родственник, меня
<i>Ик куҫӑнтан куҫсуль юхтарса?</i>	бросая, Из своих обоих глаз слезы заставляя
<i>Эй, хир хӑви аслӑ шыв хӗрринче</i>	течь? Эй, степная ива на берегу большой
<i>Иртет ёмӑр Сибирь ҫӗрӗнче.</i>	реки, Проходит жизнь на земле Сибири.

Близкий к этому варианту текст был записан в Михайловке в 2022 г. В образце, исполненном современными песенницами Г. А. Костоломовой (1946 г. р.) и В. М. Спиридоновой (1958 г. р.), эта песня звучит именно как гостевая, без припева о жизни в Сибири. В остальном же текст воспроизводится практически без изменений (кроме его сокращения до двух строф вместо пяти, как в рукописи), при этом каждая строка повторяется дважды. Можно предположить, что вариант, зафиксированный Максимовым в городе Кемерово от А. Н. Ивановой, не был напрямую связан с песенным репертуаром с. Михайловка. Возможно также, что нынешние исполнительницы познакомились с этой песней не через свою локальную традицию, а путем освоения общечувашского репертуара с помощью опубликованных текстов. На примере различных вариантов этого текста можно проследить его жанровую трансформацию: из поминальной в гостевую, а также в лирическую переселенческую песню.

Еще один образ символизирует собой родственника (или же умершего родственника), это *голубь (кӑвакарчӑн)*, прилетевший навестить своих родных¹³. Этот образ часто встречается в гостевых песнях рукописи:

<i>Эпирех килтёмӑр, ай, асӑнса</i> ¹⁴ ,	Мы да пришли, ай, помня,
<i>Тӑвантан т[ӑ]вансене шыраса.</i>	Стараясь отыскать самых близких родственников.
Хушса юрламалли:	Припев:
<i>Кӑвакарчӑн шур пӑрт маччинче.</i>	Голубь на чердаке дома по-белому.

Присутствует он и в текстах, записанных в Урало-Поволжье, употребляясь при сравнении с родственником:

<i>Кӑвик кӑвакарчӑн эп</i>	Голубем воркующим мне не быть,
<i>пулаймӑн</i> ¹⁵ ,	
<i>Карлӑк ҫине ларса юрлаймӑн.</i>	Сев на перила, не спеть.
<i>Сирӗн ҫывах таван эп пулам-и,</i>	Вашим близким родственником мне быть ли,
<i>Сирӗн умра тӑрса юрлам-и?</i>	Перед вами встав, спеть ли?

Образ голубя можно обнаружить и в более поздних песнях, созданных уже в XX в. Так, песня военного времени, повествующая об убитом на войне муже, начинается с обращения к голубю:

¹³ Согласно чувашским народным представлениям, голубя нельзя убивать и есть его мясо, так как его плоть наполовину человеческая.

¹⁴ РМ, I, с. 16; II, с. 13. Записано от Прасковии из Чистопольского уезда (1893 г. р.).

¹⁵ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Аксумла Нурлатского района Республики Татарстан от Ю. Н. Ендираковой, 1941 г. р. (Личный архив Е. В. Федотовой).

*Кăвик-кăвик кăвакарчăн*¹⁶,
Ма вĕсетĕн эс пĕччен?
Мĕн шыратăн ирĕн-каçăн
Кăвак пĕлет тўпинче?

Ах, вĕсетĕп, эп йĕретĕп –
Вут çунать ман йишăмра.
Хурчăка тытса аркатрĕ
Манăн савнă мăшăра.

*Къвик-къвик*¹⁷ голубь,
Почему ты летаешь один?
Что ищешь по утрам и вечерам
В тучах неба голубого?

Ах, летаю, я плачу –
Огнем горит у меня внутри.
Ястреб поймал, разорвал
Моего любимого.

В текстах рекрутских песен, содержащихся в рукописи, нередко встречается образ *бегущей рыжей лисы* (*хĕрлĕ тилĕ юртать*). Вероятно, здесь присутствует следующий образный параллелизм: бегущая (возможно, убегающая от охотника) лиса подвергается опасности (неизвестно, успеет ли она убежать, спрятаться). Так же подвергается опасности и будущий солдат: неизвестно, вернется он домой живым или нет. Приведем строфу из текста рукописи Максимова:

*Хĕрлĕ тилĕ юртать хир-хир урлă*¹⁸
Аслă вăрмансене те шыраса.
Аслă вăрмансене çитсе кĕрсен
Вон ик пурсуй ярсан та тупас çук.

Рыжая лиса бежит рысью через поля,
В поисках больших да лесов.
Если добежит до больших лесов,
И двенадцати борзым ее не найти.

В старинной рекрутской песне, записанной в д. Тенеево (Теняль) Янтиковской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне эта деревня относится к Янтиковскому району Чувашской Республики) в 1910 г., образ бегущей лисы также присутствует¹⁹:

Аслă улăхра тилĕ юртать,
Çул çине тухасси инçе мар, инçе мар.
Ах, атте те, ах-ах, анне,
Пирĕн каяс кунсем инçе мар,
инçе мар.

По широкому лугу лиса бежит,
До дороги недалеко, недалеко.
Ах, бабушка да, ах-ах, матушка,
До дня нашего отъезда недолго,
недолго [осталось].

Еще в одном тексте, записанном в 1927 г. в Поволжье, образ бегущей лисы встречается в лирической песне. Однако в этом случае его смысловое значение иное: молодость прошла так же быстро, как пробежала лиса:

*Мăн çул тăрăх тил юртать*²⁰ –
Бр ут чупса çитес çук,
Пирĕн яш ёмĕр иртнине
Кайăк вĕссе çитес çук.

По широкой дороге лиса бежит –
Доброму коню не догнать.
Тому, как проходит наша молодость,
Птице не долететь, не догнать.

В песенных текстах присутствуют также и другие образцы, несущие определенную символическую нагрузку. Это образ *реки* (*шыв*), символизирующий границу между своей и чужой территорией, своим и чужим миром, а также связан

¹⁶ Записано в 2022 г. в с. Михайловка от Г. А. Костоломовой (1946 г. р.).

¹⁷ *Къвик* – подражание воркованию голубя.

¹⁸ РМ, I, с. 29; II, с. 33. Записано от А. Н. Ивановой.

¹⁹ Текст опубликован в антологии чувашских рекрутских песен [Анат енчипе тури..., 2021, с. 120–121].

²⁰ Точное место записи этого текста неизвестно. Он содержится в рукописи 1927 г. «Записи учителя четырехклассной школы д. Пашка Ушкань Петра Архипова» (НА ЧГИГН. I, с. 42. Инв. № 3249. С. 81/118).

ный с ним мотив *спуститься к реке (антӑм шыв хӗррине)*, означающий, что герой песни приблизился к этой границе и находится в переходном состоянии, в необычной, критической ситуации. К категориям сакрального пространства относится и образ *черного леса (хурӑ вӑрман)* – символ чужого, некультуренного человеком пространства, возможно, загробного мира. Символом соединения двух миров (мира живых – мира мертвых или же родины – Сибири) служит мост (*кӗпер* или *каҫма* – переход для пешего человека). В приведенном выше сибирском тексте о ласточке, летящей сквозь дождь ²¹, далее присутствуют следующие строки:

<i>Эс леш енче, тӑван, ай, эп ку енче –</i>	Ты на той стороне, родственник, я на этой стороне –
<i>Хушиӑмӑра каҫма хывар-и?</i>	Не проложить ли нам переход между собой?

Подобные строки нередко встречаются и в текстах, зафиксированных в Волго-Уральском регионе:

<i>Эс леш енче, тӑван, эп ку енче</i> ²² –	Ты на той стороне, родственник, я на этой стороне –
<i>Хушиӑмӑра каҫма хывар-и?</i>	Не проложить ли нам переход между собой?
<i>Саврӑм сире, юратрӑм сире – Килтӑм хӑнана.</i>	Понравились вы мне, полюбила вас – Пришла в гости.

Из предметных реалий обращает на себя внимание встречающийся в текстах *ковш (курка) / полный ковш (тулли курка) / ковш воды (шыв курки) / заздравная чаша (тав курки)*. Вероятно, упоминание этих *ковша* и *чаши* связано со специальной ритуальной посудой, используемой при проведении общинных родовых праздников, ритуальных застолий.

Перечисленные устойчиво употребляемые образы сообщают песенным текстам явную символическую, нередко сакральную нагрузку. Зачастую их корни восходят к дохристианским представлениям, к древней обрядовой сфере. Даже неосознаваемые в полной мере исполнителями XX в. и современными носителями традиции, эти образы заметно углубляют содержание песен, делая его объемным и многослойным.

Тематика песен

Одной из тем, объединяющей целый ряд образцов гостевых, рекрутских и лирических песен, явилась тема разлуки и горестного расставания, тоски по оставленным родственникам. Вероятно, подобные переживания были особенно актуальны для чувашских переселенцев непосредственно вскоре после их отъезда с родины в связи с коллективизацией, Великой Отечественной войной и другими потрясениями первой половины XX в. ²³

²¹ РМ, I, с. 30; II, с. 35. Записано от А. Н. Ивановой.

²² Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Аксумла Нурлатского района Республики Татарстан от Ю. Н. Ендиряковой, 1941 г. р. (Личный архив Е. В. Федотовой).

²³ Тема разлуки подробно рассмотрена в нашей более ранней работе [Исмагилова, Федотова, 2022].

В гостевых песнях постоянной темой является радость от встречи с любимыми родственниками, добрые чувства по отношению к ним, желание общения с ними: *родственники хороши, речи приятны (тáвансем лайáх, чéлхи çемçe), добрая речь (ыр чéлхеме), ваша речь уж очень мягка (сирён чéлхёр ёнтё пите çемçe), приятные речи (çемçe чéлхёр)*. Однако в текстах, записанных от кемеровских переселенцев, присутствует некая неуверенность в проявлении теплых чувств по отношению к родственникам²⁴; возможно, причиной тому является понимание, что родня в большинстве своем находится очень далеко:

<i>Хураях та чёкеç эп пулам-и?</i> ²⁵	1. Черной ли ласточкой быть ли мне?
<i>Хуралтáрсем тавра эп яв[á]нам-и?</i>	Вокруг ваших строений виться ли мне?
<i>Савня́х та т[á]ваня́р эп пулам-и?</i>	2. Любимым да родственником вашим быть ли мне?
<i>Умáрсенче улма нек эп вылям-и?</i>	Пред вами как яблоко играть ли мне?
<i>Тутлá й улма сирём, ай, пётмерё.</i>	3. Вкусное яблоко поел, ай, не доел
<i>Юлашкине áста энё хурам-ши?</i>	Оставшееся куда же мне положить?
<i>Çак тáвансем ума килнё чухне</i>	4. Когда эти родственники предстают предо мной,
<i>Бйр чéлхеме áçтан энё илем-ши?</i>	Добрую речь откуда же мне взять?

Неомраченные горечью разлуки тексты, включающие также мотив *радостного общения родственников*, значительно чаще фиксировались на материковых территориях чувашской фольклорной традиции, чем в Сибири:

<i>Вун иккё те чёкеç – пёр кашта</i> ²⁶ ,	Двенадцать да ласточек – целый шест,
<i>Юрласа пётмест юррисем.</i>	Поют, да не кончаются их песни.
<i>Тáванёне тáванё пёрле килсен</i>	Родственник с родственником когда встречаются,
<i>Калаçса та пётмест сáмахёсем.</i>	Разговаривают, да не кончаются их слова.
<i>Куркисем сарá, сáри хáла – Халь ёçессём килсе тáрать-çке.</i>	Ковши желты, пиво саврасово[го цвета] – Сейчас хочется да взять и испить.
<i>Тáвансем лайáх, чéлхи çемçe – Калаçассáм килсе тáрать-çке.</i>	Родственники хороши, речи приятны – Хочется да поговорить.

В гостевых песнях также подчеркивается важность родственных отношений, желание всегда быть вместе:

<i>Тавай тарáн шыва, ай, чáмар-и?</i> ²⁷	Давай в глубокую воду, ай, нырнем ли?
<i>Сывлáшпа çаврáнса та тухар-и?</i>	С помощью воздуха обратно да выйдем ли?

²⁴ Это проявляется прежде всего в обилии вопросительных предложений в тексте.

²⁵ РМ, I, с. 5; II, с. 3. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.).

²⁶ Записано А. П. Михайловым в 1990 г. в г. Салават от уроженок Стерлитамакского района Башкирии Т. Ф. Евдокимовой (1924 г. р.) и Н. Н. Васильевой (1902 г. р.) (НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1167. Инв. № 7359–7360).

²⁷ РМ, I, с. 9; II, с. 6. Записано от Н. П. Филиппова.

<i>Тавай ёмёр пёрле те, ай, пурнар-и?</i>	Давай век вместе да, ай, жить ли?
<i>Вилсесён те пёрле те, ай,</i>	И после смерти вместе да, ай, будем
<i>выртар-и?</i>	лежать ли?

О тесной связи между родственниками более пространно повествуется в образце из Нурлатского района Татарстана:

<i>Тавай таран шыва, ай,</i>	Давай в глубокую воду, ай, нырнем ли?
<i>чймар-и?</i> ²⁸	
<i>Сывлайша савранса тухар-и?</i>	С помощью воздуха обратно
	да выйдем ли?
<i>Кёскеех те куна, вярём ём[ё]ре</i>	Да короткие дни, длинный век
<i>Ырлэхна ирттерсе ярар-и?</i>	С добром проведем ли?
<i>Ах, пёлместён нимён, ай,</i>	Ах, не знаю, ни о чем, ай, говорить,
<i>калазма,</i>	
<i>Шухайшлатён пёрле пуранма.</i>	Думаю, жить вместе.
<i>Шухайшланман чухне шухайшманра</i>	Когда не думаю, в мыслях нет,
<i>сук,</i>	
<i>Шухайшласан пусям савранать.</i>	Если думать, то голова кружится.
<i>Эс ан пйрах, тйван, эп усиччен,</i>	Ты не бросай меня, родственник, пока
	я не вырасту,
<i>Эп пйрахман сана виличчен.</i>	Я не брошу тебя до смерти.
<i>Виличченех пёрле пуранатйр,</i>	До самой смерти будем жить вместе,
<i>Вилсен пуслй-вёслё выртаййр.</i>	Когда умрем, будем лежать голова
	к голове.

Тексты некоторых гостевых песен содержат внимательное отношение к строению, душевному состоянию героя песни. Это внимание к эмоциональному состоянию поющего или слушающего проявляется в песне «Килем-ши» из рукописи Максимова:

<i>Килем-ши, килем мар-ши?</i> ²⁹	Прийти ли мне или не прийти?
<i>Эп килнёшён куллянмастён,</i>	Я не переживаю, оттого что пришел,
<i>Килейменишён шутсар куллянап.</i>	Оттого что не смог прийти, очень
	сильно переживаю.

К этой песне в 2022 г. в Михайловке был записан его практически точный вариант³⁰, таким образом, текст песни продемонстрировал свою устойчивость и хорошую сохранность в этой локальной традиции.

К обозначенной теме внутреннего состояния героя относятся также следующие словесные обороты из кемеровских образцов: *Теперь будем ходить, душу успокаивать* (*Халь сурёнёр чуна та ййпатса*)³¹; *Не могу огорчить родственника* (*Хйвараймас[тй]п тйван кймйлне*)³². В подобных словах, на наш взгляд, прояв-

²⁸ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от К. С. Николаевой, 1937 г. р. (личный архив Е. В. Федотовой).

²⁹ РМ, I, с. 20; II, с. 4. Записано от Ф. Ф. Ивановой (1910 г. р.).

³⁰ Примечательно, что этот вариант был записан от Г. А. Костоломовой – дочери исполнительницы образца, зафиксированного в рукописи.

³¹ РМ, I, с. 9; II, с. 6. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.).

³² РМ, I, с. 30; II, с. 36. Записано в г. Кемерово от А. Н. Ивановой.

ляется своеобразная психорегулирующая функция, воздействующая на эмоциональное состояние как исполнителя, так и слушателя песни.

Иногда встречаются песни иные по своему содержанию и структуре. В них преобладают перечисление действий, описание внешней реальности. Среди них текст, повествующий об ильме:

<i>Елма касрӑм, йӗлтӗр турӑм</i> ³³ <i>Аххутана сӳреме й, сӳреме.</i> <i>Тураттинчен туя турӑм</i> <i>Туяланса сӳреме й, сӳреме.</i> <i>Турпассинчен тура турӑм</i> <i>Кӑтра сӳç[ӗ]ме турама й, турама.</i>	Ильм срубил, лыжи смастерил На охоту ходить, ходить. Из ветки сделал посох, [чтобы] Ходить, опираясь на посох. Из щепки сделал гребень Свои кудрявые волосы расчесывать, расчесывать.
<i>Кӑтра сӳç[ӗ]ме эп тураса</i>	Свои кудрявые волосы, если мне и расчесать
<i>Тин ыр курас сук ёнтӗ манӑн пуç.</i>	Лишь сейчас не увидать уж счастья моей голове.

Лишь в самом конце этого текста его содержание модулирует в план размышлений о жизни, что позволяет отнести этот образец к жанрам лирической направленности. Приведем также более краткий вариант текста, записанный в Чувашии:

<i>Йӗлме касрӑм</i> ³⁴ , <i>Йӗлтӗр турӑм</i> <i>Мӑн çул тӑрӑх сӳреме.</i> <i>Пире апи, ай, суратнӑ,</i> <i>Тӗнче тӑрӑх сӳреме.</i> <i>Тураттинчен тура турӑм</i> <i>Сар хӗрсене турама.</i>	Ильм срубил, Лыжи смастерил, По большой дороге ходить. Нас мать, ай, родила, Ходить по белу свету. Из ветки гребень смастерил, Русым девушкам расчесываться.
--	--

В целом же можно сказать, что тематика песен рукописи достаточно разнообразна. При этом преобладают тема разлуки и расставания, тема встречи родственников и добрых взаимоотношений с ними, тема внутреннего состояния героя, а также традиционная для чувашской народной поэзии тема размышлений о быстротечности жизни.

Соотношение вариантов песенных текстов на уровне структуры

Далее рассмотрим степень сходства сибирских песенных текстов с их вариантами из Урало-Поволжья, проявляющуюся на уровне композиционной структуры. Нередки случаи, когда сравниваемые тексты связаны между собой лишь одной строкой, чаще всего инципитом песен, имеющим затем разное продолжение. Так, например, приведенные ниже тексты начинаются одинаково, продолжение же и жанровая принадлежность у них разные (любовная лирическая песня в первом случае и гостевая во втором):

³³ РМ, I, с. 10; II, с. 7. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.).

³⁴ Записано во время посиделок (*улах*) И. Т. Трофимовым в 1925 г. в Аликовском районе Чувашской АССР (НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 965. Инв. № 6937. Л. 53–54).

Сирён урамёрна виççё иртрём³⁵

Майшёр кавак утсене, ай,
ташлатса.
Эс лараттён, т[а]ванём, крыльца
синче
Майшёр кавак кушна та, ай, вылятса.

Сирён урамёрна виççё иртрём³⁶,

Виççё иртүсён те каç иртрём,
Юлашки иртүсён шик ийхёртём –
Варантёр пурь тутлёр ыйхёртан,
Чёрмантёр пурь ийхёр-çёркёртан.

По вашей улице проехал я

три раза

С парой сивых коней, ай,
пританцовывая шедших.
Ты сидела, родная, на крыльце,
Парой голубых да глаз, ай, играя.

По вашей улице проехал я три

раза,

Все три раза проехал я вечером,
Когда в последний раз проходил,
шик! я свистнул –
Проснулись, наверное,
от сладкого сна,
Утрудили себя, наверное,
[приготовлением] угощений.

Текстовые переключки (и даже точные совпадения) вариантов часто проявляются на уровне отдельной строфы – структурной единицы чувашской традиционной краткосюжетной песни *çавра юрй*. Близкими вариантами являются следующие строфы из лирической переселенческой песни и лирической по содержанию песни, приуроченной к обряду гадания:

Хёвел анать тесе те эс ан кулян³⁷ –

Хёвел ансан уйхён çути пур.
Пит сын хурлать тесе эс ан хурлан –

Сын хурласан пуçра сывлэх пур,
çўлте Турй пур.

Хёвел анать тесе хурланас мар³⁸,

Хёвел ансан уйхён çути пур.

Сын хурлать тесе хурланас мар

Сын хурласан çўлте Турй пур.

Ты не переживай от того, что
солнце садится –
Если солнце сядет, есть свет луны.
Ты не переживай от того, что
люди тебя сильно хаот –
Если люди и хаот, есть голова
здравомыслящая, наверху есть
Бог.

Не надо горевать от того, что
солнце садится,
Если солнце сядет – есть свет
луны.
Не надо горевать от того, что
люди хаот,
Если люди хаот – наверху
есть Бог.

³⁵ РМ, I, с. 4. Записано от И. С. Ястребова (1896 г. р.).

³⁶ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от К. С. Николаевой, 1937 г. р. (личный архив Е. В. Федотовой).

³⁷ РМ, I, с. 25; II, с. 29а. Записано от П. И. Наумовой.

³⁸ Записано Е. В. Федотовой в 2009 в д. Аبرىскино Нурлатского района Республики Татарстан от М. Ф. Александровой, 1936 г. р. (личный архив Е. В. Федотовой).

К самому высокому уровню близости вариантов и сохранности традиции относятся совпадения двух-трех строф. Пожалуй, именно такие тексты можно назвать вариантами в классическом понимании этого термина. Столь высокий уровень сохранности свидетельствует о том, что этот песенный текст устойчиво закрепился в традиции именно в таком виде. Далее приведем сибирский и поволжский текстовые варианты лирической песни, исполняемой, вероятно, во время молодежных собраний, посиделок (*улах*) поочередно парнями и девушками:

<i>Çеҫке тӑрӑх шыв юхатъ</i> ³⁹ , <i>Пит-куҫ сума юрамасть.</i> <i>Пит-куҫ сума юрасасӑн</i> <i>Каймӑттӑмчӗ сӑрман.</i>	По цветам вода течет, Нельзя умыть лицо. Если б можно было бы умыться, Не ходила бы [за водой] к реке.
<i>Кӱриӗ хӗрӗ кӗрметлӗх,</i> <i>Кил-йыш тума юрамасть.</i> <i>Кил-йыш тума юрасан</i>	Соседская дочь славная, Но нельзя с ней создать семью. Если б можно было бы создать [с ней] семью, Не ходил бы в чужую деревню.
<i>Кӱриӗ хӗрӗ кӗрметлӗх –</i> <i>Тухса каймин юрӗчӗ.</i> <i>Тухса кайин кайӗ-ха:</i> <i>Амӗш хӗрӗ тата пур,</i> <i>Ашиӗ хӗрӗ тата пур.</i>	Соседская дочь славная – Только бы не ушла [замуж]. Если и уйдет, то пусть: Матери дочь еще есть, Отца дочь еще есть.
<i>Шӑвӑслӑх тӑрӑх шыв юхатъ</i> ⁴⁰ – <i>Алӑ сума юрӗ-ши?</i> <i>Алӑ сума юрасан</i> <i>Каймӑттӑмчӗ шыв хӗр[ри]не.</i>	По водосточному желобу вода течёт – Подойдет ли она руки мыть? Если бы подошла руки мыть, То не пошел бы [по воду] на берег реки.
<i>Кӱриӗ хӗрӗ – сарӑ хӗр –</i> <i>Ана илме юрасан</i> <i>Илмӗттӗмчӗ ют ялтан.</i>	Девушка соседка – русоволосая. Если бы ее можно было взять [замуж], То не стал бы брать из чужой деревни.
<i>Кӱриӗ ачи – сар ача.</i> <i>Ана кайма юрасан</i> <i>Каймӑттӑмчӗ ют яла.</i>	Соседский парень – русоволосый парень. Если бы можно было за него идти [замуж], То не пошла бы в чужую деревню.

Заключение

Сравнительный анализ песенных текстов, зафиксированных в локальной фольклорной традиции чувашских переселенцев и на материнских территориях проживания поволжского этноса, привел к выводу об устойчивой преемственности

³⁹ РМ, I, с. 23; II, с. 23. Записано от Т. И. Павлова (1906 г. р.).

⁴⁰ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от З. С. Николаевой (1937 г. р.).

между этими традициями. Обнаружены текстовые связи на разных уровнях: на уровне устойчивых образов (высокой горы, ласточки, голубя, бегущей рыжей лисы, реки, черного леса, моста, ковша / чаши), словно «рассыпанных» по текстам и несущих определенную символическую нагрузку, на уровне тематики песен, наконец, на уровне прямых текстовых соответствий, выраженных в более или менее протяженных структурах (от одной строки до двух-трех строф).

Можно заметить, что большинство текстов не являются вариантами в прямом смысле этого слова, т. е. не имеют сходства на протяжении всей текстовой структуры. Чаще здесь можно говорить о переключках на уровне отдельных образов и тем. Зачастую в вариантах одного фольклорного произведения сохраняется его смысл, но передается он при помощи разных слов. В некоторых же случаях смысл и содержание текстов различные, хотя начинаются они с одинаковых строк.

Часть рассмотренных нами песен, зафиксированных в Кемеровской области, сохранили свою жанровую принадлежность, во многих же образцах происходит переосмысление жанра. Так, например, песни поминального обряда *юпа*, бытующие в локальных традициях некрещеных чувашей Татарстана и Башкортостана, в Сибири звучали как песни переселенцев, полные горечи разлуки с дорогими сердцу родственниками, оставшимися на родине. Гостевые песни, исполнение которых приурочено к моментам собраний родственников (отголоскам древних родовых ритуалов), также часто воспринимаются носителями традиции именно как образцы лирического излияния чувств. Таким образом, происходят жанровые трансформации фольклорных произведений, из обрядовой сферы в неприуроченную лирику. Сохраняющиеся же при этом в текстах слова-символы напоминают об их былом ритуальном контексте, создают многозначность и глубину их смыслов.

Дальнейшее сопоставление фольклорных текстов, бытующих у чувашских переселенцев и в их локальных материнских традициях, с привлечением нового, более обширного материала, позволит подтвердить, углубить, скорректировать сформулированные в статье выводы.

Список литературы

Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Яковлева А. С. За чувашскими песнями в Кузбасс // Сельская новь. 2022. № 74 (9283), 11 окт. С. 7.

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 241–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Кондратьев М. Г. Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2002. 334 с., ил., нот.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.

Федотова Е. В. Обряд *сёрё яни* и обрядовые песни *сёрё янй чухнехи юрӑсем*: (по материалам экспедиции 2009 г. в д. Абрьскино Нурлатского района Республики Татарстан) // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. науч. конф. «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвящ. 90-летию со дня рождения М. Р. Федотова и 60-летию

со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.): В 2 ч. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Ч. 2. С. 165–168.

Федотова Е. В. Особенности песен *виле а́сатнӑ чухнехи юрӑсем* поминальной традиции некрещеных чувашей Закамья (по материалам полевых исследований) // Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 14 августа 2020 года). Чебоксары: Новое время, 2020. С. 55–62.

Anat enchipe turi chăvashsen nikrut yurrisem = Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей. Тексты. II том / Подгот. текстов, сост., предисл., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой; филол. пер. и примеч. А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 495 с.

References

Anat enchipe turi chăvashsen nikrut yurrisem. Teksty. 2 tom [Recruiting songs of the middle-low and riding Chuvashs. Texts. Volume 2]. T. I. Semenova (Texts prep., comp., foreword, comm., index.), A. P. Leontiev (philol. transl. and notes), G. G. Ilyina (Sci. ed). Cheboksary, 2021, 495 p.

Fedotova E. V. Obryad çerë yani i obryadovye pesni çerë yană chukhnekhi yurăsem: (po materialam ekspeditsii 2009 g. v d. Abryskino Nurlatskogo rayona Respubliki Tatarstan) [Ritual çerë yani and ritual songs çerë yană chukhnekhi yurăsem: (based on the materials of the 2009 expedition to the village of Abryskino, Nurlatsky district of the Republic of Tatarstan)]. In: *Chuvashskiy yazyk i sovremennye problemy altaistiki: Sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. "Chuvashskiy yazyk i sovremennye problemy altaistiki," posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya M. R. Fedotova i 60-letiyu so dnya rozhdeniya N. I. Egorova* (Cheboksary, 27–28 fevralya 2009 g.): V 2 ch. [Chuvash language and modern problems of Altaic studies: Proceedings of the International scientific conference "The Chuvash language and modern problems of Altaistics," dedicated to the 90th anniversary of the birth of M. R. Fedotov and the 60th anniversary of the birth of N. I. Egorov (Cheboksary, February 27–28, 2009): In 2 pts. Cheboksary, 2009, part 2, pp. 165–168.

Fedotova E. V. Osobennosti pesen vile ásатnӑ chukhnekhi yurăsem pominal'noy traditsii nekreshchenykh chuvashhey Zakam'ya (po materialam polevykh issledovaniy) [Peculiarities of Songs Vile ásатnӑ Chukhnekhi yurăsem of the Memorial Tradition of the Unbaptized Chuvashs of Zakamye (Based on Field Research Materials)]. In: *Narodnye traditsii: preemstvennost' pokoleniy i organichnost' bytovaniya: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 14 avgusta 2020 goda)* [Folk traditions: continuity of generations and organic existence: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Cheboksary, August 2020)]. Cheboksary, Novoe Vremya, 2020, pp. 55–62.

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. Tema razluki v pesennom fol'klore chuvashskikh pereselentsev Kemerovskoy oblasti [The theme of separation in the song folklore of the Chuvash settlers of the Kemerovo region]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, pp. 247–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Ismagilova E. I., Leonova N. V., Yakovleva A. S. Za chuvashskimi pesnyami v Kuzbass [For Chuvash songs in Kuzbass]. *Sel'skaya nov'*. 2022, no. 74 (9283), p. 7.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka v zerkale paralleley: k probleme Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsivilizatsii* [Chuvash music in the mirror of parallels: to the

problem of the Volga-Ural musical civilization]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2018, 447 p.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, PER SE, 2007, 288 p.

Kondrat'ev M. G. *Stepan Maksimov. Vremya. Tvorchestvo. Masshtab lichnosti* [Stepan Maksimov. Time. Creation. Personality Scale]. Cheboksary, Fond istoriko-kul'turologicheskikh issledovaniy im. K. V. Ivanova, 2002, 334 p., ill., notes.

Информация об авторах

Екатерина Игоревна Исмаилова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-3370-2017

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения, профессор Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (Новосибирск, Россия)

Елена Владимировна Федотова, кандидат филологических наук методист Учебно-методического центра Чувашского республиканского института образования Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (Чебоксары, Россия)

Information about the authors

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Arts History, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-3370-2017

Natalya V. Leonova, Candidate of Arts History, Professor, Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena V. Fedotova, Candidate of Philology, Methodologist, Educational and Methodological Center of the Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic (Cheboksary, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.05.2023;
одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 02.07.2023
The article was submitted on 10.05.2023;
approved after reviewing on 02.07.2023; accepted for publication on 02.07.2023*